

Д. Бранденбергер

**«Репрессированная» память?
Кампания против ленинградской
трактовки блокады
в сталинском СССР, 1949–1952 гг.
(на примере Музея обороны Ленинграда)**

Исследование общественной памяти о блокаде и партийно-государственной политики, направленной на ее формирование, довольно сильно отличается от задачи по изучению истории самой блокады. Тем не менее, история сохранения памяти о подвиге ленинградцев включает в себя все те же сталинские «зигзаги». Партийное руководство страны в конце войны сначала дало право ленинградской партийной организации написать свою собственную историю блокады, а потом почти сразу отобрало это право с целью переписать местную историю с точки зрения всесоюзного центра. Как лучше интерпретировать такой поворот в историографии блокады? Является ли этот процесс последствием «Ленинградского дела» и разгрома местной партийной организации в 1949–1952 гг.? Или это связано с разногласиями между Ленинградом и Москвой в оценке роли северной столицы в Великой Отечественной войне?

Бесспорным представляется факт, что местные ленинградские планы по празднованию победы в войне и подвига во время блокады потерпели крах в 1949 г. после начала «Ленинградского дела». Ленинградский институт истории партии был разгромлен, местные книги и брошюры о войне — забракованы, а Музей обороны

*Дэвид
Бранденбергер,*
Ph.D. истории,
профессор,
Университет
Ричмонда (США)

Ленинграда — ликвидирован. Данная статья рассматривает вопрос о репрессии местной памяти о блокаде на примере Музея обороны Ленинграда.

В научной и околонаучной литературе представлен большой диапазон мнений по этому поводу. Г. Солсбери считает, что ликвидация Музея обороны Ленинграда сыграла большую роль в «Ленинградском деле» против бывших соратников А. А. Жданова. По версии журналиста, И. В. Сталин, Г. М. Маленков и Л. П. Берия решили уничтожить «исторические свидетельства о событиях в Ленинграде, чтобы будущие поколения не смогли бы установить, что на самом деле происходило в городе, особенно во время войны и тем более во время 900 дней блокады». Ликвидация музея и его реликвий сопровождалась «сокращением упоминаний о блокаде в печати»¹.

Д. Гранин и А. Адамович констатируют, что музей был уничтожен потому, что в нем достоверно показывались свидетельства, говорившие об отличительных чертах ленинградского населения, проявившихся в годы блокады: самостоятельность, свободолюбие и упорство перед лицом невзгод. Музей напоминал ленинградцам об их горьком опыте блокады и довольно быстро стал противоречить «казенной» центральной партийной линии, которая не предполагала выделения Ленинграду особого места в коллективной памяти².

В. И. Демидов и В. А. Кутузов пишут, что, ликвидируя музей, партийное руководство фактически наложило запрет на чествование подвига ленинградцев и местных руководителей во время блокады. Эти меры были предприняты, чтобы предотвратить распространение «мифа» о ленинградской исключительности, который якобы был придуман «антипартийной группой», состоявшей из бывшего ленинградского руководства³.

Л. Киршенбаум считает, что закрытие музея было попыткой уничтожить местную память о страданиях и победах Ленинграда во время блокады⁴.

С. Маддокс утверждает, что музей был ликвидирован для того, чтобы предотвратить распространение местной ленинградской трактовки об исключительности исторического опыта города в блокаде, которая противоречила официальной линии о коллективной, всесоюзной борьбе⁵.

К. Келли сомневается, что ликвидация музея была спровоцирована концепцией экспозиции, рассказывавшей об исключительности городского опыта в блокаде. Музей, как она считает, сделал ставку на военную историю и мало внимания уделял гражданской стороне осады. Закрытие музея, по мнению Келли, явилось последствием низкопоклонства дирекции перед местным партийным руководством⁶.

В данной статье рассматривается вопрос о закрытии музея с точек зрения центрального и местного партийного руководства. Одновременно автором поставлена цель определить, что именно спровоцировало ликвидацию Музея обороны Ленинграда и репрессии против попыток собственной трактовки блокады.

В декабре 1943 г. по указанию Военного Совета Ленинградского фронта была организована выставка под названием «Героическая защита Ленинграда». Изначально планировалось открыть выставку в Инженерном замке; в дальнейшем было найдено более просторное место в помещении бывшего сельскохозяйственного музея в Соляном городке. Подготовительная работа велась под руководством

Портреты Л. А. Говорова, А. А. Кузнецова и Н. В. Соловьева у входа Зала Победы⁸

горкома ВКП (б) и музейного специалиста Л. Л. Ракова⁷. Большая выставка из десяти разделов в 26 залах была открыта 1 мая 1944 г. Ее успех оказался огромным. За полтора года на ней побывали полмиллиона посетителей, в то время как население города не превышало 800 тыс. человек⁹.

5 октября 1945 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР своим распоряжением поручил Комитету по делам культурно-просветительских учреждений РСФСР преобразовать выставку в Музей обороны Ленинграда¹⁰. Таким образом, музей стал очень приоритетным проектом — по крайней мере, более приоритетным, чем Государственный Музей Революции, которому в это время искали новое помещение после того, как его выдворили из Зимнего дворца решением Ленгорисполкома¹¹. Экспозиция выставки о блокаде была расширена, появились новые залы. Как и на выставке, в музее в центре Зала Победы была установлена скульптура И. В. Сталина; по обе стороны от нее находились бюсты членов Политбюро ЦК ВКП (б) и военного руководства СССР. У входа слева и справа были развешены портреты членов Военного Совета Ленинградского фронта¹².

Во время предварительного осмотра экспозиции накануне ее открытия секретарь горкома Я. Ф. Капустин предложил, чтобы в галерее у входа в Зал Победы были помещены портреты ведущих работников партийных и советских организаций города. От лица Ленинградского Военного округа присутствовавший при осмотре генерал-лейтенант Д. И. Холостов выразил пожелание, чтобы портреты командиров местных соединений также появились в галерее. Я. Ф. Капустин распорядился, чтобы в другом новом зале, посвященном местной промышленности, были развешены портреты местных руководителей партийных и советских промышленных организаций. Экспозиционный план и эскизы залов

музея были утверждены бюро горкома ВКП (б); списки новых портретов утвердил секретарь горкома по кадрам Г. Ф. Бадаев¹³.

В первые послевоенные годы музей пользовался исключительно большим успехом. По посещаемости музей уступал лишь Эрмитажу¹⁴. Так же как и выставка, музей стал одним из первых учреждений страны, которые попытались осмыслить исторический опыт Великой Отечественной войны, ее уроки и периодизацию. Местные специалисты под руководством горкома создали собственный исторический нарратив, согласно которому население Ленинграда во главе с местной партийной организацией и Военным Советом не только пережило 872 дня осады, но и активно участвовало в обороне города и в снятии блокады 27 января 1944 г. История блокированного города рассказывала о страдании, попытках выжить, о самостоятельности и массовом героизме на производстве и на фронте. Поскольку музей должен был показать, как город справился с блокадным положением, много внимания было уделено местному партийному руководству и Военному Совету Ленинградского фронта¹⁵.

Инициатива местных историков и музейных работников по изучению войны появилась в Ленинграде значительно раньше, чем в центральных московских учреждениях. Основное общесоюзное повествование сложилось в Москве только в 1946–1948 гг. Оно обращало внимания исключительно на военные действия на фронтах и на руководящую роль центрального партийного аппарата («Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР», «Крушение фашистских планов молниеносной войны», «Сталинградская битва», «Коренной перелом в ходе войны», «Массовое изгнание немецко-фашистских оккупантов» и т. д.). Оборона Ленинграда и прорыв блокады были отмечены в ходе этого нарратива (пропорционально своему стратегическому значению); в повествование также был включен материал о блокаде с целью хотя бы коротко рассказать о том, как мирное население СССР страдало во время войны¹⁶. Но основная линия сосредоточилась на крупных военных действиях и уделяла минимальное внимание гражданской истории войны.

В послевоенный период экспозиция Музея обороны Ленинграда, несмотря на расхождения с официальной линией, каждый год успешно проходила проверку. Правда, дирекции музея пришлось обновить несколько залов в феврале-апреле 1947 г.; комиссией горкома в 1948 г. также были обнаружены недостатки. Но больших скандалов не было (может быть, благодаря тому, что до августа 1948 г. главным идеологом страны был А. А. Жданов, который возглавлял Ленинград во время войны). Дирекция музея спокойно приняла критику и разработала план по улучшению главных залов экспозиции в течение 1949 г.¹⁷ Горком также поддерживал музей и его дирекцию и 29 декабря 1948 г. включил учреждение в план мероприятий по празднованию пятой годовщины снятия блокады¹⁸.

Как известно, 15 февраля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП (б) внезапно отправило в отставку трех бывших соратников покойного к тому времени А. А. Жданова: секретаря ЦК ВКП (б) А. А. Кузнецова, председателя Совмина РСФСР М. И. Родионова и первого секретаря Ленинградской партийной организации П. С. Попкова. Они обвинялись в противогосударственных и непартийных действиях. В документе

говорилось, что они являлись участниками «антипартийной групповщины, сеют недоверие... и способны привести к отрыву Ленинградской организации от партии, от ЦК ВКП (б)»¹⁹.

Неделю спустя, 22 февраля 1949 г., состоялся объединенный пленум Ленинградского обкома и горкома партии. На нем выступил Г. М. Маленков с большой речью. Он заявил, что коррумпированное руководство ленинградской партийной организации превратилось в опорный пункт для борьбы с ЦК ВКП (б), и предложил, чтобы местная партийная организация избавилась от Капустина, Бадаева и всех остальных членов группы. Заявление Г. М. Маленкова дало ход большой «чистке», которая длилась до 1952 г.²⁰

Пока Г. М. Маленков был в городе, он «открыл огонь» и по Музею обороны Ленинграда, якобы после того, как он случайно увидел выражение местной исключительности в ленинградских изданиях о войне²¹. По словам заместителя директора музея — Г. И. Мишкевича, Г. М. Маленков отреагировал крайне отрицательно на описание экспозиции в музейном путеводителе. «Свили антипартийное гнездо! Создали миф об особой, „блокадной“ судьбе Ленинграда! Принизили роль великого Сталина!» Позже были добавлены другие, более абсурдные обвинения: что музейные работники «готовили — на случай приезда великого Сталина — террористический акт: орудия [в экспозициях] заряжены, мины, гранаты не разряжены!» Впоследствии назначенный первым секретарем ленинградской партийной организации В. М. Андрианов поддержал оценку Г. М. Маленкова, данную музею²².

Дирекция музея попыталась справиться с критикой. По словам Г. И. Мишкевича, директор В. П. Ковалев сразу распорядился, чтобы экскурсоводы изменили свой репертуар во время общения с публикой. «Не останавливать группы у фотографий Кузнецова, Попкова, Капустина, не акцентировать внимание на числе жертв от голода и обстрелов. Быстрее проходить зал голодной зимы». Когда В. П. Ковалеву стало понятно, что скандал быстро не затихнет, он приказал, чтобы портреты опальных руководителей были сняты, фамилии врагов народа — удалены из текстов на стендах. Когда это оказалось невозможным — например, в случае с большой известной картиной Н. Л. Бабасюка «А. А. Жданов и А. А. Кузнецов у прямого провода во время переговоров с Москвой», — музейные работники растерялись. Г. И. Мишкевич вспоминал: «Снимать? Так на ней сам Жданов! Снимешь, а потом... Поступили так: фигуру Кузнецова замазали, живописав на ее месте окно»²³. Таким образом музей продолжал свою работу шесть месяцев: экскурсоводы осторожно вели посетителей по залам, а его сотрудники поспешно занимались капитальной переделкой экспозиции²⁴.

К осени, когда начались аресты по «Ленинградскому делу», музей получил еще один удар: Л. А. Дубинин сменил В. П. Ковалева на посту директора музея. Л. А. Дубинин якобы нашел очень много недостатков в экспозиции и принял решение временно закрыть музей «по техническим причинам». По словам бывшего экскурсовода Н. И. Нониной, Л. А. Дубинин довольно сурово критиковал свою новую вотчину: «Портрет Попкова больше чем портрет Сталина!»; «Откуда вы набрали такие ужасы? Были, конечно, подобные единичные случаи, но они не типичны. Были временные трудности. Их переживал весь советский народ.

Изоляции Ленинграда не было. Страна была с вами. Товарищ Сталин был с вами. Будем строить новый Музей! Составляйте новые экспозиционные планы»²⁵.

Вслед за назначением Л. А. Дубинина и временным закрытием музея из Москвы прибыла комиссия ЦК ВКП (б) для новой проверки, которая подтвердила предъявленные музею обвинения. Она также обнаружила, что экспозиция извратила не только официальное представление о руководстве осажденного города, но и общую периодизацию военного опыта советского общества. Отмечая, что характер нарушений был систематическим, фундаментальным и глубоко антипартийным, заключение комиссии фактически предрекло ликвидацию музея²⁶.

В сентябре Л. А. Дубинин опечатал музейные помещения и уволил с работы большинство сотрудников²⁷. По словам бывшего экскурсовода, музей был ликвидирован осенью того же года²⁸. Но так как горком во главе с В. М. Андриановым в октябре 1949 г. еще занимался расследованием нарушений в музее и вопросом о его дальнейшей судьбе, такое свидетельство об окончательной ликвидации было явно преждевременно. С. Маддокс показывает в своем исследовании, что музейные работники старались переоформить музей в течение трех лет после его закрытия²⁹.

Какими же были главные причины закрытия музея? Стал ли музей жертвой «Ленинградского дела» или общего послевоенного табу на чествование подвига ленинградцев во время блокады? Есть сведения, что участие музея в поддержании культа личности, связанного с ленинградской группой А. А. Кузнецова — П. С. Попкова, скомпрометировало учреждение в глазах партийного руководства в Москве. Обвинения в неоправданном возвышении авторитета А. А. Кузнецова и бывших ленинградских руководителей даже фигурировали в сентябре 1950 г. в обвинительном заключении процесса по «Ленинградскому делу», который вынес первые смертные приговоры³⁰. Но данный ответ нельзя считать исчерпывающим, так как своевременное решение В. П. Ковалева убрать все портреты, фотографии и другие упоминания новоявленных «врагов народа» весной 1949 г. не спасло музей.

Также есть сведения, что музей попал в опалу из-за нарушения какого-то запрета на распространение истории опыта осажденного Ленинграда. Но это тоже не вполне удовлетворительный ответ, так как в массовых московских изданиях (учебники и т. д.) и после 1949 г. продолжали упоминать об участии Ленинграда в войне в контексте всесоюзной борьбы под руководством центрального партийного аппарата. Эти книги сохранили практику акцентирования внимания на военных действиях на фронтах, но в то же время продолжали приводить опыт Ленинграда как пример стойкости гражданского населения СССР перед лицом невзгод³¹. В некоторых изданиях после 1949 г. даже расширили комментарии об осажденном городе³².

Наиболее достоверное объяснение судьбы Музея обороны Ленинграда заключается в сочетании этих двух факторов. Как известно, в феврале 1949 г. чрезмерно хвалебное отношение дирекции музея к местным партийным вождям дало повод для начала расследования деятельности учреждения. В скором времени выяснилось, что экспозиция музея была также скомпрометирована периодизацией советского опыта войны, которая была разработана местными

музейными работниками во главе с горкомом в 1944–1945 гг. Такая периодизация была приемлема во время войны, но местное «оборончество» с особым вниманием к самостоятельному выживанию и спасению городского населения во главе с местной партийной организацией стало менее приемлемо после войны, когда центральные партийные «летописцы» разрабатывали другую линию — о централизованной, коллективной войне под руководством всесоюзного партийного аппарата во главе с И. В. Сталиным.

Данное противоречие в сочетании с неосторожным восхвалением бывших ленинградских руководителей погубило музей. Такое заключение находит подтверждение в дальнейшей судьбе его бывших руководителей. Собирая дело против бывшего директора музея Л. Л. Ракова, секретарь горкома В. Н. Малин и исполняющий обязанности заведующего отделом агитации и пропаганды горкома П. Н. Соболев 15 октября 1949 г. отправили справку В. М. Андрианову о деятельности Л. Л. Ракова, в которой говорится:

«Оборона Ленинграда в музее показывалась в экспозиции в отрыве от событий на фронтах Отечественной войны, затушевывалась забота партии, правительства и лично товарища Сталина о Ленинграде, умалялась роль рабочего класса и трудящихся Ленинграда в обороне, не был показан массовый героизм действительных защитников города.

Вместе с тем, в экспозиции подхалимски превозносилась и восхвалялась роль бывших руководителей Ленинграда, членов антипартийной группы Кузнецова, Попкова, Капустина и других (галерея [sic!] портретов, цитаты, тенденциозное расхождение материалов в путеводителях по Музею и т. д.). Раков явился инициатором издания портретной галереи [sic!] разоблаченных ныне участников антипартийной группы»³³.

Данный вывод находит подтверждение и в судьбе бывшего заместителя музея Г. И. Мишкевича, который одновременно с Л. Л. Раковым был лишен своего партийного билета в конце 1951 г. и арестован в начале 1952 г. Бывшего заместителя директора допрашивали три месяца; как он позже вспоминал, в ходе этих бесконечных «собеседований» был случай, когда «следователь Еремичев потрясал толстой тетрадь в синем коленкором переплете: „Тебе знаком этот контрреволюционный документ?!“ А в тетради — периодизация музейной экспозиции, сделанная рукой Алексея Александровича Кузнецова...»³⁴

Этот вывод также находит подтверждение в постановлении секретариата ЦК ВКП (б) о воссоздании Государственного Музея Революции 3 февраля 1950 г. В проектах постановления и в материалах, которые относятся к ним, закрытие в 1945 г. Государственного Музея Революции было представлено как часть заговора руководителей ленинградской партийной организации³⁵. В письме Г. М. Маленкову в конце декабря 1949 г. отмечалось:

«Ликвидировав Музей Революции, бывшие руководители Ленинградского горкома партии и горсовета, в целях восхваления своих мнимых заслуг в годы Великой Отечественной войны, создали Музей обороны Ленинграда. В экспозиции музея, построенной по планам Кузнецова, военные действия по защите Ленинграда были показаны в отрыве от борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков и общего хода военных действий на фронтах

Отечественной войны. В музее сознательно также замалчивались роль Центрального Комитета ВКП (б), Государственного Комитета Оборона и лично товарища Сталина в обороне города Ленина и разгроме немецко-фашистских оккупантов под Ленинградом.

В экспозициях музея особо подчеркивалось, что Ленинграду своими силами удалось освободиться от вражеской блокады.

В залах музея на видном месте были выставлены огромные портреты Кузнецова, Попкова и Капустина и небольшие портреты членов Политбюро ЦК ВКП (б) и Государственного Комитета Оборона. Специально подобранные документы и материалы подчеркивали лишь ужасы и страдания населения Ленинграда, вызванные временной блокадой, варварскими налетами вражеской авиации и артиллерийскими обстрелами. В то же время в музее не было показано, как вся страна и лично товарищ Сталин заботились о ленинградцах, не были раскрыты высокие моральные качества советских людей и их массовый героизм в борьбе с врагом...»³⁶

Таким образом, окончательная ликвидация Музея обороны Ленинграда объясняется сомнениями партийного руководства страны в том, сумеет ли музей привести экспозицию в соответствие с официальной позицией партии о войне — сомнения, которые не исчезли после того, как нарушения, связанные с восхвалением бывших партийных руководителей города, были устранены³⁷.

Решение ликвидировать музей было суровым, однако не стоит преувеличивать его последствия. Не было наложено никакого обобщающего, общесоюзного табу на блокаду. Не была объявлена широкая кампания против опыта Ленинграда на войне. Не было и попыток стереть память о страданиях и переживаниях осадного времени. История ликвидации музея показывает, что противоречия между ленинградским и московским повествованием о войне постепенно накапливались во второй половине 1940-х гг. И если местный вождизм ленинградской партийной организации спровоцировал разгром музея, то партийные документы доказывают, что еще бóльшая проблема заключалась в ленинградском историческом нарративе. Местное повествование было слишком сосредоточено на исключительности опыта гражданского населения Ленинграда — его страданиях и самостоятельном выживании. И этот приоритет не нашел одобрения в ЦК ВКП (б) в Москве, где создавался другой миф — о тяжелой коллективной войне.

¹ *Salisbury H.* The 900 Days: The Siege of Leningrad. New York, 1985. С. 581–582. — В оригинале на английском языке эта фраза звучит так: «to destroy the historical record of events in Leningrad so that future generations would be unable to ascertain what really had happened, particularly during the days of the war and especially during the 900 days.»

² *Гранин Д., Адамович А.* Блокадная книга: главы, которых в книге не было // Звезда. 1992. № 56. С. 18–19.

³ *Демидов В. И., Кутузов В. А.* Последний удар. Документальная повесть // Ленинградское дело / Под ред. В. И. Демидова и В. А. Кутузова. Л., 1990. С. 114, 116. — См. также: *Кутузов В. А.* Музей обороны Ленинграда // Диалог. 1988. № 24. С. 21–27.

⁴ *Kirschenbaum L.* The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1945: Myths, Memories and Monuments. Cambridge, 2009. С. 251–252, 133, 143–149. — Анна Рейд ссылается на Киршенбаум по вопросу музея. См.: *Reid A.* Leningrad: The Epic Siege of World War II. New York, 2011. P. 403, 406.

⁵ *Maddox S. Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950.* Bloomington, 2014. P. 188–191.

⁶ *Kelly C. The «Leningrad Affair.» Remembering the «Communist Alternative» in the Second Capital // Slavonica.* 2011. Т. 19. №9. P. 103–122, здесь 109.

⁷ В комиссию по организации выставки вошли: начальник политуправления Ленинградского военного округа генерал-лейтенант Д. И. Холостов, секретарь горкома партии А. И. Маханов, директор Ленинградского института истории партии С. И. Аввакумов, председатель Ленинградского отделения Союза художников В. А. Серов и начальник управления по делам искусств исполкома Ленсовета Б. Н. Загурский. О путеводителе см.: Выставка «Героическая оборона Ленинграда». Очерк-путеводитель / Под ред. Л. Л. Ракова. М.; Л.: Искусство, 1945.

⁸ Музей обороны Ленинграда. Очерк-путеводитель / Под ред. Л. Л. Ракова. М.; Л., 1948. С. 115, 117, 119.

⁹ *Шишкин А. А., Добротворский Н. П.* Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (часть 1) / История Петербурга. 2004. № 1. С. 73–77; *Демидов В. И., Кутузов В. А.* Последний удар. С. 115. — Архивные документы периода «Ленинградского дела» подтверждают, что выставка была организована по указанию горкома ВКП (б) Управлением по делам искусств исполкома Ленгорсовета и Ленинградским Домом офицеров. См.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 28. Д. 247. Л. 17.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 247. Л. 17.

¹¹ *Артемов Е. Г., Кулегин А. М.* Рожденный трижды // История Петербурга. 2009. № 4. С. 36–37.

¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 247. Л. 17.

¹³ Там же. — Список 44 партийных, советских и промышленных работников на л. 36. Затраты на создание дополнительных портретов составили 167 тыс. руб. См.: Л. 26–28. Пока портреты готовились, горком заплатил еще 10 тыс. руб. за изготовление портретов П. С. Попкова и его жены для оформления их квартиры. См.: Л. 20–25.

¹⁴ *Шишкин А. А., Добротворский Н. П.* Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (часть 2) / История Петербурга. 2004. № 3. С. 45.

¹⁵ Заместитель директора музея по науке Г. И. Мишкевич вспоминал позже, что основная периодизация была предложена А. А. Кузнецовым. См.: *Сидоровский Л.* Люди «Ленинградского дела» // Ленинградское дело / Под ред. А. И. Демидова и В. А. Кутузова. Л., 1990. С. 360. — В. Н. Иванов, секретарь горкома ВКП (б) и зав. отделом пропаганды (с ноября 1944 по апрель 1945 г.), также участвовал в утверждении концепции выставки и музея. См.: Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 6. Оп. 2. Д. 137. Л. 73–77.

¹⁶ История СССР: Учебник для 10 класса средней школы / Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1946. С. 363–364, 374, 378; Наша великая родина / Под ред. Н. Н. Михайлова и др. М., 1946. С. 512–513, 527–531, 535, 540, 549, 563, 587–589, 598–599, 608; История СССР: Учебник для 10 класса средней школы / Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1948. С. 366–367, 377, 381; *Панкратова А. М.* Великий русский народ. М., 1948. С. 151–152, 156, 160, 164, 168, 175, 176–178; Наша великая родина / Под ред. Н. Н. Михайлова и др. М., 1949 (подписано к печати 30 марта). С. 436, 442, 449, 452, 455, 460, 472, 482, 484, 486–487, 495, 506–510.

¹⁷ *Шишкин А. А., Добротворский Н. П.* Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (часть 2). С. 46.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 6. Л. 3. Об официальном плане см.: Л. 15–16.

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 35–36.

²⁰ Г. И. Мишкевич рассказал журналисту О. Скуратову в конце 1980-х гг., что Г. М. Маленков поднял вопрос о музее в своей речи на объединенном пленуме 22 февраля 1949 г. Мишкевич, скорее всего, сам не присутствовал на пленуме, и его версия не нашла отражения в других источниках: «Подвергся зловещей критике и блокадный музей. Потрясающая в воздухе конфискованным путеводителем [по музею], словно прямым доказательством крамолы, Маленков кричал в зал: „Только врагам мог понадобиться миф о блокаде, чтобы принизить роль великого вождя!“ Очевидцы рассказывают, что для большего эффекта Маленков спустился с трибуны и,

понижив голос, поведал собравшимся о горах оружия, собранного в музее для... организации террористического акта в случае прибытия Сталина в Ленинград». См.: *Скуратов О., Яцкевиц О.* Преступление в соляном городке // Смена. 2005. 14 апреля.

²¹ См. *Блюм А.* Блокадная тема в цензурной блокаде. По архивным документам Главлита СССР // Нева. 2004. № 1. С. 238–245.

²² *Сидоровский Л.* Люди «Ленинградского дела». С. 359. — Г. М. Маленков, наверное, узнал о «перегибах» музея из какого-то другого источника, так как путеводитель довольно острожно характеризует опыт Ленинграда в осаде. См.: Музей обороны Ленинграда. Очерк-путеводитель / Под ред. Л. Л. Ракова. М.; Л., 1948.

²³ *Скуратов О., Яцкевиц О.* Преступление в соляном городке. С. 7. — Бывший экскурсовод Н. И. Нонина также приводит пример об «исправлении» картин в музее: *Нонина Н.* Реквием музею. Иерусалим, 2003. С. 84. — Автор благодарит М. Н. Третьякову за возможность работать с данным редким изданием.

²⁴ *Шишкин А. А., Добротворский Н. П.* Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (часть 3) // История Петербурга. 2004. № 4. С. 47.

²⁵ *Нонина Н. И.* Реквием музею. С. 85. — Н. И. Нонина приводит слухи, констатируя, что Дубинин был шурином Маленкова (С. 84).

²⁶ *Шишкин А. А., Добротворский Н. П.* Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда (часть 3). С. 47.

²⁷ Там же. С. 47–48.

²⁸ Бывший экскурсовод — К. В. Сотина. — *Скуратов О., Яцкевиц О.* Преступление в соляном городке. С. 7.

²⁹ В. М. Андрианов докладывал Г. М. Маленкову и И. В. Сталину о положении с оружием, боеприпасами и взрывчаткой в музее 1 октября 1949 г. См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 518. Л. 60; Ф. 24. Оп. 54. Д. 518. Л. 61–77. — О работе горкома ВКП (б) по вопросам о музее см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 247. Л. 16–36; Д. 244. Л. 13–14; Д. 245. Л. 38; Д. 251. Л. 38–46; Д. 249. Л. 12–13. — См. также: *Maddox S.* Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950. P. 191.

³⁰ US Library of Congress, Dmitrii Antonovich Volkogonov Papers, Box 3 (Reel 2), Folder 14, p. 6.

³¹ История СССР. Учебник для 10 класса средней школы / Под ред. А. М. Панкратовой. М., 1952. С. 359, 373, 380–381; *Панкратова А. М.* Великий русский народ. М., 1952. С. 177, 180–181, 186, 201, 208, 215–220; *Наша великая родина* / Под ред. Н. Н. Михайлова и др. М., 1953. С. 311, 318, 323–324, 326, 329–330, 333, 340, 344, 349, 354, 370; *Наша великая родина* / Под ред. Н. Н. Михайлова и др. М., 1954. С. 300–301, 306, 310–311, 313, 317, 320, 322, 327, 331, 335, 341, 356.

³² История СССР. Учебник для 10 класса средней школы. С. 381.

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 251. Л. 38–39. — Когда текст этой справки был переписан в проект постановления бюро горкома, В. Н. Малин и П. Н. Соболев добавили в начале абзаца, что «Экспозиция музея не отвечала сталинской периодизации Великой Отечественной войны». В конце проекта они сняли упоминание о массовом героизме и дописали еще одно предложение о том, как «В экспозиции музея раскрывались секретные данные обстановки на бывшем Ленинградском фронте и обороны города (карты, таблицы, данные обстрела Ленинграда и т. д.)» // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 251. Л. 40.

В окончательном варианте постановления бюро горкома повторялись те же обвинения. Из постановления «О Ракове Л. Л.» в протоколе заседания бюро горкома от 19 октября 1949 г.: «Экспозиция музея не отвечала сталинской периодизации Великой Отечественной войны. Оборона Ленинграда показывалась в экспозиции в отрыве от событий на фронтах Великой Отечественной войны, затушевывалась забота партии, правительства и лично товарища Сталина о Ленинграде, умалялась роль рабочего класса и трудящихся Ленинграда в обороне. Вместе с тем, в экспозиции подхалимски превозносилась и восхвалялась роль бывших руководителей обкома и горкома ВКП (б) — Кузнецова, Попкова, Капустина и других. Раков был инициатором создания портретной галереи ныне разоблаченной антипартийной группы. В экспозиции музея раскрывались секретные данные обстановки на бывшем Ленинградском фронте и обороны города (карты, таблицы, данные обстрела Ленинграда и т. д.)» // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 54. Д. 249. Л. 13.

³⁴ См.: *Сидоровский Л.* Люди «Ленинградского дела». С. 360.

³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 118. Д. 638. Л. 111–116; Д. 727. Л. 106–115.

³⁶ П. Пономаренко, В. Андрианов, Ф. Кузнецов — Маленкову (3 февраля 1950 г.) // Там же. Ф. 17. Оп. 118. Д. 638. Л. 115.

³⁷ *Maddox S.* Saving Stalin's Imperial City. P. 191.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Бранденбергер Д. «Репрессированная» память? Кампания против ленинградской трактовки блокады в сталинском СССР, 1949–1952 гг. (на примере Музея обороны Ленинграда) // *Новейшая история России.* 2016. № 3 (17). С. 175–186.

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.311

УДК 94 (47).084.8

Аннотация: «Ленинградское дело» 1949–1952 гг. вызвало волну репрессий, направленную против учреждений культуры города, занимавшихся сохранением памяти о блокаде 1941–1944 гг. Были изъяты из обращения книги, видные историки обвинялись в идеологических нарушениях, а музей, посвященный блокаде, был ликвидирован. Историография по данной теме недостаточно развита. Сегодня существуют только два основных объяснения этой «чистки» местной исторической памяти. Некоторые исследователи выдвигают интенционалистские аргументы, согласно которым кампания против ленинградских традиций объясняется недоверием, которое И. В. Сталин испытывал к городу. Другие выдвигают функционалистский аргумент, согласно которому местная историческая память стала жертвой «чисток» среди ленинградского руководства, поскольку А. А. Кузнецов, П. С. Попков и др. занимали видное место в местных юбилейных чествованиях. В статье, подготовленной на основе документов, отложившихся как в ЦГАИПД СПб (бывшем ленинградском партийном архиве), так и в РГАСПИ (бывшем Центральном партийном архиве), утверждается, что усилия городских руководителей по увековечиванию блокадной памяти столкнулись с целым рядом идеологических установок центральных властей, сформировавшихся после 1945 г. и регламентировавших то, как должны были изображаться лидеры партии, и то, какой должна быть память о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: «Ленинградское дело», сталинизм, музеи, блокада, Вторая мировая война, А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, исторический нарратив, память о блокаде.

Сведения об авторе: Ph.D. истории, профессор, Университет Ричмонда (США); dbranden@richmond.edu

FOR CITATION

Brandenberger D. Repressed Memory: The Campaign Against the Leningrad Interpretation of the Blockade in the Stalinist USSR, 1949–1952 (A Case Study of the Museum of the Defense of Leningrad), *Modern history of Russia*, no 3, 2016. P. 175–186.

DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.311

Abstract: The 1949–1952 «Leningrad Affair» triggered a major wave of repression directed against that city's institutions promoting the memory of the 1941–1944 blockade. Books were withdrawn from circulation, prominent historians were accused of wrongdoing, and the museum dedicated to the blockade was liquidated. The historiography on the subject is underdeveloped and today offers only two major explanations for this purge of local historical memory. Some specialists advance an intentionalist argument, according to which the campaign against local commemorations stemmed from I. V. Stalin's long-standing distrust of the city. Others supply a functionalist argument, according to which local historical memory became a casualty of the purge of the local party leadership between 1949–1952, inasmuch as A. A. Kuznetsov, P. S. Popkov, etc. figured prominently within local commemorative efforts. On the basis of documentation from both the former party archive in Leningrad and the former Central Party Archive in Moscow, this case study of the liquidation of the blockade museum argues that the

city's commemorative efforts clashed with a number of central ideological priorities emerging after 1945 about how party leaders were to be depicted and how the all-union war was to be remembered.

Keywords: Leningrad Affair, Stalinism, Museums, blockade, siege, Second World War, A. A. Kuznetsov, P. S. Popkov, Ya. F. Kapustin, historical narrative, memory,

Author: Ph. D. in History, Professor, University of Richmond (USA); dbranden@richmond.edu

References:

- 1 Salisbury H. *The 900 Days: The Siege of Leningrad* (New York, 1985).
- 2 Granin D., Adamovich A. 'Blokadnaja kniga: glavy, kotorykh v knige ne bylo', *Zvezda*, 1992, no. 56.
- 3 Demidov V. I., Kutuzov V. A. 'Poslednij udar. Dokumentalnaja povest' in *Leningradskoe delo*, Eds. V. I. Demidov, V. A. Kutuzov (Leningrad, 1990).
- 4 Kutuzov V. A. 'Muzej oborony Leningrada', *Dialog*, 1988, no. 24.
- 5 Kirschenbaum L. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1945: Myths, Memories and Monuments* (Cambridge, 2009).
- 6 Reid A. *Leningrad: The Epic Siege of World War II* (New York, 2011).
- 7 Maddox S. *Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950* (Bloomington, 2014).
- 8 Kelly C. 'The «Leningrad Affair». Remembering the «Communist Alternative» in the Second Capital', *Slavonica*, 2011, Vol. 19, no. 9.
- 9 *Vystavka «Geroicheseskaja oborona Leningrada». Oчерk-putevoditel*, Ed. L. L. Rakov (Moscow — Leningrad, 1945).
- 10 Shishkin A. A., Dobrotvorskiy N. P. 'Gosudarstvennyj memorialnyj muzej oborony i blokady Leningrada (chast 1)', *Istorija Peterburga*, 2004, no. 1.
- 11 Shishkin A. A., Dobrotvorskiy N. P. 'Gosudarstvennyj memorialnyj muzej oborony i blokady Leningrada (chast 2)', *Istorija Peterburga*, 2004, no. 3.
- 12 Shishkin A. A., Dobrotvorskiy N. P. 'Gosudarstvennyj memorialnyj muzej oborony i blokady Leningrada (chast 3)', *Istorija Peterburga*, 2004, no. 4.
- 13 Artemov E. G., Kulegin A. M. 'Rozhdennyj trizhdy', *Istorija Peterburga*, 2009, no. 4.
- 14 *Muzej oborony Leningrada. Oчерk-putevoditel*, Ed. L. L. Rakov (Moscow — Leningrad, 1948).
- 15 Sidorovskiy L. 'Ljudi «Leningradskogo dela»' in *Leningradskoe delo*, Eds. A. I. Demidov, V. A. Kutuzov (Leningrad, 1990).
- 16 Skuratov O., Yatskevits O. 'Prestuplenie v soljanom gorodke', *Smena*, 2005, 14 April.
- 17 Blum A. 'Blokadnaja tema v tsenzurnoj blokade. Po arkhivnym dokumentam Glavlita SSSR', *Neva*, 2004, no. 1.
- 18 Nonina N. *Rekviem muzeju* (Jerusalem, 2003).